

УДК 94(477.75)
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00009

Е.А. Молев

**МИТРИДАТ И РИМ:
«КТО» БЫЛ «КЕМ» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ?***

В статье рассматривается вопрос о соотношении роли и степени агрессивности Рима и Понта накануне антиримских войн Митридата VI Евпатора. Автор кратко характеризует исследования своих предшественников и дает свою оценку данного фактора для обеих сторон, ссылаясь на свидетельства античных авторов и логику исследований своих предшественников. В заключении делается вывод об оборонительном характере предвоенной внешнеполитической деятельности царя Понта, проистекающем из понимания силы и могущества его главного противника и желания сохранить и укрепить независимость своего государства за счет соседей в соответствии с идеологией того времени.

Ключевые слова: Понт, Рим, Митридат VI Евпатор, агрессор, жертва, внешняя политика.

Сведения об авторе: Молев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

Е.А. Molev

**MITHRIDATES AND ROME:
“WHO” WAS “WHO” ON THE EVE OF THE FIRST MITHRIDATES WAR?**

The article deals with the correlation of the role and degree of aggression of Rome and Pontus on the eve of the anti-Roman wars of Mithridates VI Eupator. The author briefly characterizes the research of his predecessors and gives his assessment of this factor for both sides, referring to the evidence of ancient authors and the logic of the research of his predecessors. In conclusion, the conclusion is made about the defensive nature of the pre-war foreign policy of king Pontus, arising from the understanding of the strength and power of his main opponent and the desire to preserve and strengthen the independence of his state at the expense of neighbors in accordance with the ideology of the time.

Key words: Pontus, Rome, Mithridates VI Eupator, the aggressor, the victim, foreign policy.

About the author: Molev Evgeniy Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

О войнах понтийского царя Митридата VI Евпатора и Рима писали в древности очень много и долго, практически вплоть до конца античной истории. И в последующие времена, вплоть до настоящего времени, интерес к событиям того времени не угас, и многие ученые разных стран вновь и вновь обращаются к событиям политической жизни Средиземноморья в I в. до н.э., давая им свою оценку. И подробно оценкам деятельности этого правителя в

* Статья поступила в номер 18 октября 2019 г.
Принята к печати 15 ноября 2019 г.

трудах античных писателей, оценки римско-понтийских отношений авторами последующих эпох и роли в них Митридата VI Евпатора так же отнюдь не однозначны.

Наиболее распространенной версией о его роли в характере римско-понтийских отношений долгое время была точка зрения Т. Моммзена, который рассматривал понтийского царя как обычного восточного султана и был уверен в оборонительном характере действий Рима накануне Первой Митридатовой войны (Моммзен 1997: 202). Его точка зрения была поддержана рядом исследователей (Rostovtzeff, Ormerod 1932: 223; Errington 1972; Bengtson 1975: 252; Ломоури 1979: 82—83; McGing 1986: 85; Hind 2008: 144—145; Strobel 1996: 188). На фоне этих представлений как редкие исключения выглядели иные оценки. Но сегодня, как верно заметил Э. Адлер, это представление есть все основания считать надуманным¹ (Adler 2006: 384).

Уже Э. Бэдиан, рассматривая политические коллизии в Малой Азии, вскользь замечает, что деятельность Митридата и рост его активности был, в том числе, и следствием римской политики (Badian 1958: 289). В том же году возникла идея, что главной целью завоеваний Митридата, ввиду его эллинофильства, было освобождение греков от римского владычества (Duggan 1958: 9). Эта идея позднее, в той или иной степени, была поддержана рядом исследователей (Молев 1976: 21; 1995: 48—49; 2018: 58—59; Antonelli 1992: 7; Gabrielsen 2005: 35—38).

В определенной степени, как ответ на агрессивную внешнюю политику римлян в Азии, рассматривал активизацию внешней политики Митридата и Д. Глю (Glew 1977: 404), который, специально рассмотрев взаимоотношения Митридата и Рима в межвоенный период, пришел к выводу, что Митридат в ходе своих завоеваний намеревался лишь укрепить свое господство в Малой Азии, отнюдь не претендуя на большее (Glew 1981: 108—130).

По мнению С.Ю. Сапрыкина, также тщательно рассмотревшего вопрос о противостоянии царя Понта Митридата Евпатора и Римской республики «вооруженный конфликт стал неизбежен, поскольку обе стороны сделали все, чтобы его развязать» (Сапрыкин 1996: 199).

В том же году К. Штробель, рассматривая причины первой Митридатовой войны, пришел к выводу, что Митридат был в основном обычным эллинистическим царем, склонным к уступкам, который уважал традиции эллинистического мира и стремился избежать открытого конфликта с Римом. Настоящим же агрессором накануне антиримских войн Митридата выступила Вифиния (Strobel 1996b: 55—94).

В недавней статье, опубликованной в серии статей Центра Черноморских исследований в Дании (BSS), профессор Дж.М. Мадсен, отметил, что амбиции Митридата распространялись на завоевание всего мира²: «Mithridates was no doubt both ambitious and eager to conquer the world» (Madsen 2009: 193). Тем не менее, он пришел к выводу, что ранний этап завоеваний Митридата до начала первой войны с Римом еще не был рассчитан на борьбу с римлянами, с целью положить конец римскому правлению в Малой Азии: «Closely analysed, Mithridates' imperial policy, between his accession and the outbreak of the First Mithridatic War, was not aimed at a final encounter meant to end Roman rule in Asia Minor» (Madsen 2009: 194). Более того, по мнению автора, именно римские правители провинции

¹ Исследователь заключил, что «the notion that the Romans unwittingly came to control a vast empire rightly strikes contemporary scholars as farfetched» (Adler 2006: 384).

² Обвинения в стремлении противников Рима к мировому господству проримски настроенные античные авторы делали неоднократно. См. например, заявление Полибия о таковых планах Филиппа V Македонского «Филипп мечтал о завоеваниях даже во сне, и всецело занят был этими планами» (Polyb., V, 108, 5), что, на самом деле, очень маловероятно (Беликов 2003: 68). Но дело в том, что о наличии именно таких планов у Митридата наши источники прямо ничего не говорят.

Азия спровоцировали Митридата на первую войну: «they provoked Mithridates into beginning the war» (Madsen 2009: 197), т.е. повели себя как скрытые агрессоры. И в заключение своего исследования автор делает вывод, что в войнах с Римом Митридат не был агрессором: «Yet, what seems equally clear is that Mithridates was not the aggressor that modern scholars have believed and believe him to be» (Madsen 2009: 200).

К той же теме и в том же сборнике обратился Б.С. МакГинг. Об этом прямо говорит название его статьи «Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor?». В своей оценке автор опирается преимущественно на информацию Аппиана, единственного античного писателя последовательно и четко излагавшего ход событий Митридатовых войн от их начала до конца (Шелов 1986: 113; McGing 1993: 514—520). Автор сразу определяет свою точку зрения, согласно которой Митридат сознательно, хотя и осторожно, шел на конфронтацию с Римом: «who does move consciously, if carefully, to a show-down with Rome», а затем ставит вопрос — кто же все это начал: «who started it all?» и подробнейшим образом рассматривает сведения античных авторов (McGing 2009: 204). По мнению В.С. МакГинга, у античных авторов, писавших о Митридате спустя много лет после гибели понтийского царя, вполне могло сложиться впечатление о его агрессивности и намерении воевать с Римом чуть ли не со времени восшествия на престол, хотя это и не так. Тем не менее, аргументами в пользу вероятности ранней агрессивности намерений Митридата против Рима, как считает В.С. МакГинг, могли быть его ахеменидское происхождение (McGing 2009: 206), что отмечал, кстати, еще М.И. Ростовцев (Rostovtzeff, Ormerod 1932: 223), черноморская политика молодого царя: «his whole Black Sea policy can surely only be that of an extremely ambitious young monarch» (McGing 2009: 207), возведение родословной к Александру Македонскому, что получило особое распространение в его нумизматике (и, добавим от себя, в скульптуре) (McGing 2009: 211—212); а также предвоенный характер столкновений с римлянами из-за Каппадокии. Из этого следует вывод, что интерпретация военных планов Митридата Аппианом, вероятнее всего, достоверна: «Appianos' interpretation of Mithridates' war plans gains credence» (McGing 2009: 209), и в конфликте Понта с Римом ни одна сторона не была невинной жертвой: «In this conflict, neither side was an innocent victim» (McGing 2009: 213). Заключение, на мой взгляд, наиболее убедительное. Но и его можно уточнить.

Начнем с того, что сведения о Митридате и его деятельности оставили около 50 античных авторов (Hind 2008: 130). Однако абсолютное их большинство (а в вопросе о планах Митридата практически все) были представителями победившей стороны, выражавшими, хотя и в разной степени, точку зрения римлян (или, во всяком случае, проримскую). Сохранившиеся немногочисленные отрывки из трудов авторов, которые могли бы представить пропонтийскую версию хода событий (Метродор из Скепсиса, Гераклид из Магнесии, Гипсикрат из Амиса, Аполллонид и др.) не дают интересующей нас информации (Richter 1987: 179—182). И потому наша оценка роли Митридата и Рима в развязывании серии войн между ними в любом случае будет относительной. И все же попробуем.

Из сохранившихся до нашего времени трудов античных авторов наиболее полную информацию по интересующему нас вопросу мы можем получить, лишь в трудах Страбона, Мемнона, Саллюстия, Помпея Трога (в изложении М. Юниана Юстина) и Аппиана. Прочие литературные свидетельства имеют чисто вспомогательное значение и принадлежат к числу «кратких и ненадежных сокращений» (McGing 1986: 178). Начнем со **Страбона**, наиболее хорошо информированного в понтийских делах автора. По своим политическим воззрениям Страбон был ярко выраженным романофилом, хотя воспитан и образован он был по-гречески, и, судя по его описанию Понта в «Географии», в немалой степени был и патриотом

своей Родины³ (Грацианская 1988: 16—17; Clarke 1997: 109, Kuin 2017: 102). В его труде, как справедливо заметил Д. Браунд «Admiration for Mithridates and blandishments towards Rome go hand in hand in Strabo» (Braund 2005: 233—234). Основным своим трудом он сам считал «Исторические записки», представляющие собой продолжение «Истории» Полибия (Strabo., XI, 9, 3). Выписки из этого труда неоднократно цитируются им в «Географии». Одной из таких выписок, вероятнее всего, было и сообщение о принятии Митридатом под свое покровительство Херсонеса и последующих войнах со скифами. Этот полис «*πορθοῦμένη δὲ ὑπὸ τῶν βαρβάρων ἠναγκάσθη προστατῆν ἐλεῖσθαι Μιθριδάτην τὸν Εὐπάτορα, στρατηγῶντα ἐπὶ τοὺς ὑπὲρ τοῦ ἰσθμοῦ μέχρι Βορυσθένους βαρβάρους καὶ τοῦ Ἀνδρίου· ταῦτα δ' ἦν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή*») (Strabo., VII, 4, 3) — «был вынужден выбрать себе покровителя в лице Митридата Евпатора: последний хотел стать во главе варваров, обитавших за перешейком вплоть до Борисфена и Адрия. Это были приготовления к походу на римлян». В данном его сообщении, что для нас особенно важно, наряду с информацией о происходивших событиях дается и их авторская оценка: «*ταῦτα δ' ἦν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή*» — «Это были приготовления против римлян». Разумеется, эта оценка заслуживает определенного доверия, поскольку предки Страбона играли важную роль при дворе понтийских царей, и он мог иметь достаточно точную информацию о событиях, происходивших в период правления Митридата Евпатора. Однако действительно ли мог едва вошедший на престол молодой понтийский царь уже тогда ставить перед собой столь далеко идущие цели? Точнее говоря, можно ли увидеть в событиях, происходивших в Таврике, наступательные планы, направленные именно на сокрушение могущества Рима?

Ответить на этот вопрос непросто, тем более, что у Страбона в другом месте говорится о царях Ближнего Востока: «*[ἢ] ἀφισταμένων καὶ ἔπειτα καταλυομένων, καθάπερ ἐπὶ Μιθριδάτου συνέβη τοῦ Εὐπάτορος*» (Strabo., VI, 4, 2) — «если они поднимали восстания, и их потом устраняли, как это произошло с Митридатом Евпатором». Из этого сообщения следует, что с точки зрения римлян Митридат был всего лишь мятежником, а вовсе не равноправным или, тем более, сильным конкурентом Республике в области внешней политики. Сам же Рим в данном пассаже выглядит явно агрессором. Следовательно, предыдущую оценку Страбоном намерений Митридата можно (и, скорее всего, нужно) рассматривать как понимание юным понтийским царем неизбежности столкновения с Римом и стремление как можно лучше подготовиться к этому столкновению заблаговременно. И, стало быть, по мнению Страбона, цели внешней политики царя Понта до начала войн против Рима можно рассматривать преимущественно как оборонительные, направленные на укрепление мощи своего государства в предстоящем противостоянии с Римом.

Вторым автором, также достаточно хорошо информированным о делах Понтийского царства и дающим некоторые основания судить в внешнеполитических планах Митридата, является гераклеяский историк **Мемнон** (I в. до н.э. — I в. н.э.), написавший историю своего родного города. В ней рассмотрена и судьба Гераклеи в период войн Митридата с Римом. Мемнон не дает прямой оценки предвоенных действий Митридата как антиримских, а считает их следствием его натуры: «*Φονικώτατος δ' ἐκ παιδὸς ὁ Μιθριδάτης ἦν*» (Memn., fr. XXII, 2) — «Митридат был с детства кровожаднейшим из людей». И именно это, по мнению Мемнона, привело к тому, что он после своих первых успехов «возгордился» и перестал выполнять указания римлян. Более того, «*προσετίθει δὲ καὶ ἑτέρας τοῦ πολέμου αἰτίας*» (Memn.,

³ Ингер Н.И. Куин, например, считает ярким проявлением романофильства Страбона его упоминания о Дорилае Старшем и его потомках: «Strabo chose to include the family story of the defection of Dorylaeus in his account (twice) precisely because it fits the pattern of the family's growing alignment with Roman interests» (Kuin 2017: 215).

fr. XXII, 5) — «он сделал так, что возникли и другие причины войны». Иными словами, с точки зрения Мемнона, инициатором войны между Понтом и Римом был Митридат. И именно его завоевательные планы, в то время когда встал вопрос о подчинении Каппадокии, вошли в наибольшее противоречие с планами римской политики на востоке и обусловили возникновение военного конфликта.

При всей односторонности и тенденциозности Мемнона как историка, что не раз отмечалось исследователями его творчества (Laqueur 1926: col. 1098; Дзагурова 1951: 283—288; Фролов 1974: 118), его труд все же является одним из надежных источников по истории Митридатовых войн. Автор представляет ход событий с точки зрения одного из крупнейших эллинских городов Причерноморья (Дзагурова 1951: 284), причем города пострадавшего в ходе Митридатовых войн от римлян по вине Митридата и его мнение о понтийском царе на этом фоне, пожалуй, и не могло быть иным. Основными источниками Мемнона в этом вопросе, вероятнее всего, были *συγγραφεῖς*, о которых упоминает Страбон, а в тех частях, где речь идет о Геракле, автор использовал сочинения Проматида Гераклеота и Домиция Каллистрата, писавших о Геракле (Reinach 1895: 454). Это дает основание отнести к его сведениям о планах понтийского царя с определенным скепсисом, но все же не сбрасывать их со счетов нашего исследования.

Третьим автором, из трудов которого можно взять некоторые оценки роли Митридата и Рима в период их противостояния, является Г. Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н.э.). Наиболее информативно в этом отношении приводимое им письмо Митридата Евпатора к парфянскому царю Арсаку (Фраату III). В свое время Б. МакГинг оценил его как «потенциально один из важнейших источников по митридатовской пропаганде» (McGing 1986: 154). Однако, достоверность самого этого письма весьма сомнительна⁴. Некоторые исследователи творчества Саллюстия даже полагают, что оно было написано самим Саллюстием (Adler 2006: 389). Против этой версии не возражают авторы одного из последних исследований трудов Саллюстия как источника А.В. Короленков и В.О. Никишин (Короленков, Никишин 2016: 1039). Следовательно, приписанные им Митридату оценки римлян и их политики вряд ли можно принимать в полной мере, как исходящие непосредственно от Митридата. Скорее всего это *loci communes* понтийской пропаганды того времени (Короленков 2009: 115), которой воспользовался и которую подал в том свете, который соответствовал его собственным взглядам сам Саллюстий.

Так, из содержания письма ясно следует, что царь Понта был хорошо осведомлен об агрессивном характере римской политики еще до начала войны и знал, что римляне «после того как Океан положил предел их движению на запад обратили свое оружие в нашу сторону» (Sall., IV, 4, 69). Но мог ли Митридат в действительности знать об этом факте или это только мнение Саллюстия? Думается, что в данном случае Саллюстий не искажал факты. О начале агрессии Рима в восточном направлении можно говорить уже после второй карфагенской войны, когда Рим подчиняет Македонию. Не случайно Полибий задолго до Саллюстия отмечал, что падение Македонии было тем рубежом, после которого мир попал под власть Рима (Polyb., I, 1, 5, III, 4, 2—3). В то время большинство городов и государств Малой Азии, предпринимая какие-то внешнеполитические акции, часто стремились поставить об этом в известность сенат и заручиться его поддержкой, для чего в Рим регулярно отправлялись посольства (Welles 1934: № 61; Кашеев 1997: 24). Разумеется, не следует преувеличивать степень римского вмешательства в повседневные дела эллинистических государств. Но, как справедливо заметил Ф. Уолбэнк, теперь всякое

⁴ Историографию вопроса см.: (Короленков 2009: 109—116).

независимое действие эллинистических правителей влекло за собой определенный риск (Walbank 1981: 242—243). И став после подчинения Италии на путь внешней агрессии, Рим уже не мог остановиться.

Образование, полученное Митридатом, и информация его родных и близких о событиях понтийской истории, по крайней мере, со времени Фарнака I, позволяет думать, что царь Понта достаточно хорошо знал основные события политической жизни своего времени и то, кто был главным врагом его государства. И это очевидно для Саллюстия. Именно поэтому, мы можем оценивать его информацию, как серьезный аргумент в пользу того, что Митридат изначально рассматривал свои действия как направленные на то, чтобы противостоять дальнейшему развитию римской агрессии в сторону Азии.

Четвертым автором, также наиболее близким по времени жизни к событиям истории Митридатых войн был **Помпей Трог** (I в. до н.э. — I в. н.э.). Его труд «*Historiae Philippicae*» написан около 7 г. н.э. и, вероятнее всего, был лишь переработкой сочинения неизвестного нам греческого автора (Зельдин 1954: 183). Однако из 44 книг его сохранились лишь «*Prologoi*» (краткое содержание отдельных книг) и извлечение, сделанное М. Юнианом Юстином. Судя по «*Прологам*», кн. 37 Трга была специально посвящена истории Понта, Боспора и Колхиды. При их написании он, как и Мемнон, вполне мог использовать и произведения местных припонтийских авторов, т.н. историков Митридатых войн (συγγραφεῖς) (Зельдин 1954: 190). Кроме того, о событиях этих войн он мог иметь определенную информацию и от своих близких родственников — его дядя командовал отрядом всадников в армии Помпея в третьей Митридатовой войне, а отец был секретарем и переводчиком Юлия Цезаря (Caes. Bell. Gal., V, 36. 1; Just., XLIII, 5, 12). Как показывает эпитома его произведения Юстином, он имел достаточно полную информацию о событиях первой Митридатовой войны и том, что ей предшествовало.

В рассказе о попытках погубить Митридата еще в детстве (Just., XXXVII, 1, 6, 2, 1—9) Трог не называет и никак не характеризует его врагов, но то, что это был внешний враг, со всей очевидностью вытекает из его последующей информации: «когда же Митридат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о делах внутреннего управления, а об увеличении пределов своего царства» (Just., XXXVII, 1). Именно это обстоятельство и то, что наиболее сильным политическим противником Понта в Азии в то время уже была Римская республика, позволило современным исследователям видеть в этих внешних врагах римлян. Не случайно дальше Юстин подчеркивает, что после подчинения Пафлагонии «Митридат уже считал себя равным по величию с народом римским» (Just., XXXVII, 4, 5) и еще далее он отметил, что Митридат «давно замыслил войну с Римом» (Just., XXXVIII, 7). При этом планы этой войны были рассчитаны лишь на подчинение Малой Азии (Молев 2005: 206), о чем красноречиво свидетельствует сообщение Юстина о тайной поездке Митридата по провинции Азия и Вифинии (Just., XXXVII, 3, 4—5). Следовательно, и Помпей Трог рассматривал задачи внешней политики Митридата накануне его первой войны с Римом как оборонительные, имевшие целью лишь сохранить независимость своего собственного государства.

Отметим и такой важный факт, что, по мнению ряда исследователей творчества Трга, речь Митридата к войску в начале войн с Римом, где он характеризует причины войны, прямо называя Рим агрессором, была сочинена им самим. Причем за основу ее было взято вышеупомянутое письмо Саллюстия (Короленков, Никишин 2016: 1040; Adler 2006: 397—398, 402). И это также дает основание рассматривать ее как важный аргумент в пользу признания агрессивной стороной, прежде всего, Рим.

Наиболее полную информацию о внешнеполитических планах Митридата до начала римской агрессии против Понта дает **Аппиан** (ок. 95 — ок. 170 гг. н.э.). Он родился и вырос в Александрии, а в зрелые годы принадлежал уже к высшим классам римского общества и занимал достаточно высокое положение (Лукомский 1994: 416). Свой главный труд — «Римскую историю» Аппиан написал уже в преклонном возрасте, между 160 и 165 гг. н.э., находясь при императорском дворе. К этому времени он уже располагал достаточно большим объемом самой разнообразной информации и старался излагать события добросовестно, без отклонения от темы (Хан 1968: 85). Несомненно, Аппиан пользовался также тенденциозными мемуарами участников войн с Митридатом Евпатором, в частности Суллы. Весьма вероятно, что с такого рода материалами Аппиан дополнительно ознакомился еще по сочинению Тита Ливия. Не исключено, что некоторую информацию он мог почерпнуть и из трудов пропонтийски настроенных авторов. В частности, об этом может свидетельствовать его совершенно антиримская оценка «Эфесской резни» — «Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки» (App. Mithr., 23). В итоге сведения Аппиана о планах Митридата можно считать в достаточной мере полными и его труд является одним из самых важных для историка Понта сочинений (Гуленков 2000: 69—70; McGing 1993: 500).

По начальной информации Аппиана войну Митридата против Рима спровоцировали сами римляне: «они с подозрением смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной» (App. Mithr., 10), а после восстановления у власти царей Вифинии и Каппадокии римляне «тотчас стали подстрекать» их правителей «делать набеги на землю Митридата и вызывать его на войну, обещая, что в случае войны римляне окажут им помощь» (App. Mithr., 11, 18—21). Оценку же предвоенных завоеваний понтийского царя сам Аппиан не дает, а вкладывает ее в выступление послов вифинского царя Никомеда. Последние, характеризуя внешнеполитическую деятельность Митридата, объявляют ее направленной на подготовку к войне с Римом: «все эти приготовления ... направлены ... против вас, о римляне» (App. Mithr., 13). Любопытно, что в последующей речи посол Митридата Пелопид фактически повторяет информацию вифинских послов, предостерегая, тем самым, римских правителей провинции Азия от войны, не санкционированной сенатом (App. Mithr., 15—16).

Эта миссия Пелопида, кстати, вызвала самые разные оценки современных исследователей. Так, МакГинг считал ее последней попыткой Митридата предотвратить войну (McGing 1986: 80—81); А. Шервин-Вайт рассматривал ее как тактический маневр понтийского царя (Sherwin-White 1984: 125); а С.Ю. Сапрыкин посчитал это открытым призывом Митридата к войне (Сапрыкин 1996: 199). Однако повторимся, сам Аппиан своего мнения ни здесь, ни далее не высказывает. Поэтому максимум, что мы можем приписать ему в этом плане, так это то, что он был согласен с мнением вифинской делегации и считал всю предвоенную деятельность Митридата подготовкой своего государства к борьбе с Римом, с конечной целью отстоять его независимость и не более того. Не случайно в завершении своего описания Митридатских войн, где Аппиан дает оценку личности царя Понта, он не только не обвиняет Митридата в его антиримском выступлении, но еще раз прямо называет «αἴτιον τοῦ πολέμου» (App. Mithr., 112) — «виновником войны» Мания Аквиллия, т.е. Рим.

Прочие литературные свидетельства имеют чисто вспомогательное значение. Среди них есть лишь несколько фрагментов, позволяющих извлечь некоторые сведения о предвоенных внешнеполитических планах и намерениях Митридата. Наиболее ярким из таковых является сообщение Плутарха о поездке в Малую Азию знаменитого римского полководца того времени Мария (Plut. Mar., 31). Эта поездка, вероятнее всего, представляла собой «die

informelle diplomatische Mission» Рима, направленное с целью решения вопроса о Галатии и Каппадокии в проримском варианте (Молев 2005: 207; Strobel 1996: 166). В сообщении Плутарха особенно важна фраза, что Марий во время встречи собирался подстрекнуть Митридата к войне, поскольку в Риме все подозревали (Reinach 1895: 91; Luce 1970: 186; Ballesteros-Pastor 1999: 506—508), что царь Понта уже давно к ней готовился: «ἤλιξε γὰρ τοὺς βασιλεῖς συνταράξας καὶ Μιθριδάτην ἐπίδοξον ὄντα πολεμήσειν ἀναστήσας καὶ παροξύνας» (Plut. Mar., 31, 4) — «Он надеялся, что ему удастся возмутить царей и подвигнуть Митридата к войне, которую, как все подозревали, тот давно уже замышлял». Следовательно, независимо от того, каковы были реальные планы Митридата, в Риме все равно воспринимали его действия, как направленные против Рима. А учитывая еще большую осторожность, которую стал проявлять Митридат в своих действиях после встречи с Марием (Plut. Mar., 31, 4), можно не сомневаться, что его предыдущие планы внешней политики также предусматривали лишь превентивные оборонительные меры.

Кстати, агрессивные намерения Рима против роста державы Митридата Плутарх отмечает и в биографии выдающегося римского политического деятеля и полководца Суллы, которому вскоре довелось вести войну против царя Понта. Уже в 92 г. до н.э., за четыре года до первой Митридатовой войны, римляне послали Суллу в Каппадокию «чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле, чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу (Plut. Sulla, 5). Это подтверждает высказанную нами выше оценку внешнеполитических планов царя Понта. О том же свидетельствует и отказ Митридата помочь италийцам во время Союзнической войны в Риме, засвидетельствованный рядом античных авторов (Diod., XXXVIII, 2, 11; Sall., VI, 13).

Таким образом, подводя итог рассмотрению точек зрения античных авторов на внешнеполитические планы Митридата накануне его первой войны против Рима, можно не сомневаться в оборонительном характере его действий, проистекающем из понимания силы и могущества его главного противника и желания сохранить и укрепить независимость своего государства за счет соседей в соответствии с идеологией того времени. Эту идеологию, кстати, исповедовали и сами римляне. И именно на это с прямотой римлянина указал еще раз Марий при встрече с Митридатом: «ἢ μείζον, ὃ βασιλεῦ, πειρῶ δύνασθαι Ῥωμαίων, ἢ ποιεῖς σιωπῇ τὸ προστασόμενον» (Plut. Mar., 31, 5) — «либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают». И не надо искать других агрессоров там, где и так все очевидно.

Литература

- Беликов А.П. 2003. *Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов*. Ставрополь: Ставропольский государственный университет.
- Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В: Новосельцев А.П. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР*. 1986 г. Москва: Наука, 6—175.
- Гуленков Л.Л. 2000. Митридатовы войны в освещении Аппиана. В: Жигулин В.Д. (отв. ред.). *Античность: эпоха и люди. Сборник научных статей, посвященных 60-летию Исторического факультета Казанского государственного университета*. Казань: Мастер лайн, 69—76.
- Дзагурова В.П. (пер., комм.). 1951. Мемнон. О Геракле. *ВДИ* 1, 283—316.
- Зельин К.К. 1954. Помпей Трог и его произведение «Historia Philippicae». *ВДИ* 2, 183—202.
- Кашеев В.И. 1997. *Эллинистический мир и Рим: война, дипломатия и международное право в 220—147 гг. до н.э.* Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов.
- Короленков А.В. 2009. К характеристике письма Митридата в Historiae Саллюстия. В: Габелко О.Л. (отв. ред.). *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистический период. Материалы международной конференции*. Казань: Отечество, 109—116.

- Короленков А.В., Никишин В.О. 2016. Саллюстий в контексте античной историографии. *ВДИ* 4, 1038—1048.
- Ломоури Н.Ю. 1979. *К истории Понтийского царства*. Тбилиси: Мицниереба.
- Лукомский Л. Ю. 1994. Римская история Аппиана. В: Кондратьев С.П. (пер., комм.). *Аппиан. Римские войны*. Санкт-Петербург: Алетейя, 413—428.
- Марк Юниан Юстин. 2005. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*». Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Молев Е.А. 1976. *Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы*. Саратов: Саратовский университет.
- Молев Е.А. 1995. *Властитель Понта*. Нижний Новгород: ННГУ.
- Молев Е.А. 2005. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта. *Antiquitas Aeterna* 1, 206—210.
- Молев Е.А. 2018. Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктиста до Евпатора. *Исторический вестник. Эллинизм: личность, власть, общество* 26, 42—65.
- Моммзен Т. 1997. История Рима. Санкт-Петербург: Наука; Ювента.
- Сапрыкин С.Ю. 1996. Понтийское царство. Москва: Наука.
- Sall.: Соколов В.С. (пер., комм.). 1950. Г. Саллюстий Крисп. Фрагменты историй. *ВДИ* 1, 293—304.
- Фролов Э.Д. 1974. Тирания в Гераклее Понтийской. В: Борухович В.Г. (отв. ред.). *Античный мир и археология*. Вып. 2. Саратов: Саратовский университет, 114—139.
- Хан И. 1968. Аппиан и Александрия. *ВДИ* 1, 72—86.
- Шелов Д.Б. 1986. Аппиан — историк Митридатовых войн. В: Кошеленко Г.А. (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. Москва: Наука, 113—117.
- Adler E. 2006. Who's anti-Roman and Sallust and Pompeius Trogus on Mithridates. *The Classical Journal*. Vol. 101. Nr. 4, 383—407.
- Antonelli G. 1992. *Mitridate. Il nemico mortale di Roma*. Roma: Newton Compton.
- Badian E. 1958. *Foreign Clientelae (264—70 B.C.)*. Oxford: Clarendon Press.
- Ballesteros-Pastor L. 1999. Marius' Words to Mithridates Eupator. *Historia*. Bd. XLVIII. Ht. 4, 506—508.
- Bengtson H. 1975. *Herrscher gestalten des Hellenismus*. München: Beck.
- Braund D. 2005. Greek Geography and Roman Empire: The Transformation of Tradition in Strabo's Euxine. In: Dueck D., Lindsay H., Pothecary S. (eds.). *Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia*. Cambridge: Cambridge University Press, 216—234.
- Clarke K.J. 1997. In Search of the Author of Strabo's *Geography*. *JRS* 87, 92—110.
- Duggan A. 1974. *He Died Old Mithradates Eupator, King of Pontus*. London: Faber.
- Errington R.M. 1972. *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. London: Hamish Hamilton.
- Gabrielsen V. 2005. Mithridates VI og de græske byer. In: Højte J. (ed.). *Mithridates VI af Pontos. Roms perfekte fjende*. Århus: Aarhus University Press, 25—42 (Sortehavsstudier 3).
- Glew D.G. 1977. Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the First Mithridatic War. *Athenaeum* 55, 380—405.
- Glew D.G. 1981. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome. 85—73 B.C. *Chiron* XI, 108—130.
- Hind J.G.F. 2008. Mithridates. *CAH* IX, 129—164.
- Kuin I.N.I. 2017. Rewriting family history: Strabo and the Mithridatic Wars. *Phoenix*. Vol. 71(1/2), 102—118.
- Laqueur R. 1926. Lokalchronik. *PWRE*. Bd. XIII. Hb. 25. col. 1098—1114.
- Luce T.J. 1970. Marius and the Mithridatic Command. *Historia*. Bd. XIX. Ht.1, 161—194.
- Madsen J.M. 2009. The Ambitions of Mithridates VI: Hellenistic Kingship and Modern Interpretations. *BSS* 9, 191—202.
- McGing B.C. 1986. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: Brill (Mnemosyne. Suppl. LXXXIX).
- McGing B.C. 1993. Appian's "Mithridateios". *ANRW*. T. 2. Bd. 34. Ht. 1, 496—522.
- McGing B.C. 2009. Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor? *BSS* 9, 203—216.
- Reinach Th. 1895. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig: B.G. Teubner.
- Richter H.-D. 1987. *Untersuchungen zur hellenistischen Historiographie: Die Vorlagen des Pompeius Trogus für die Darstellung der nachalexandrischen hellenistischen Geschichte (Iust. 13—40)*. Frankfurt am Main; Berne; New York; Paris: Peter Lang (Europäische Hochschulschriften. Series III; Geschichte und ihre Hilfswissenschaften 333).

- Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. 1932. Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War. *САИ IX*, 211—260.
- Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. I*. London: Duckworth.
- Strobel K. 1996a. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten grossen Monarchen der hellenistischen Welt. *Orbis terrarium* 2, 145—190.
- Strobel K. 1996b. Mithridates VI Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht. *Ktéma* 21, 55—94.
- Walbank F.W. 1981. *The Hellenistic World (Fontana History of the Ancient World)*. London: Fontana (Fontana history of the ancient world).
- Welles C.B. 1934. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy*. New Haven: Yale University Press.

References

- Belikov, A.P. 2003. *Rim i ellinizm: problemy politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh kontaktov (Rome and Hellenism: Problems of Political, Economic, and Cultural Contacts)*. Stavropol: "Stavropol'skiy gosudarstvennyi universitet" (in Russian).
- Gratsianskaya, L.I. 1988. In: Novoseltsev, A.P. (ed.). *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. 1986 g. (The Oldest States in the USSR. 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ., 6—175 (in Russian).
- Gulenkov, L.L. 2000. In: Zhigulin, V.D. (ed.). *Antichnost': epokha i lyudi. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 60-letiyu Istoricheskogo fakul'teta Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Antiquity: Era and People. Collection of Scientific Articles dedicated to the 60th Anniversary of the Faculty of History of Kazan State University)*. Kazan: "Master layn" Publ., 69—76 (in Russian).
- Dzagurova, V.P. (transl., com.). 1951. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 283—316 (in Russian).
- Zel'in, K.K. 1954. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 183—202 (in Russian).
- Kashcheyev, V.I. 1997. *Hellenistic World and Rome: War, Diplomacy and International Law in 220—147 BCE*. Dr. habil. Thesis. Saratov.
- Korolenkov, A.V. 2009. In: Gabelko, O.L. (ed.). *Politika, ideologiya, istoriopisaniye v rimsko-ellinisticheskiiy period. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Politics, Ideology, Historical writing in the Roman-Hellenistic Period. Materials of the International Conference)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 109—116 (in Russian).
- Korolenkov, A.V., Nikishin, V.O. 2016. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 4, 1038—1048 (in Russian).
- Lomouri, N.Yu. 1979. *K istorii Pontiyskogo tsarstva (On the History of the Kingdom of Pontus)*. Tbilisi: "Mitsniyereba" Publ. (in Russian).
- Lukomskiy, L.Yu. 1994. In: Kondrat'yev, S.P. (transl., com.). *Appian. Rimskiye voyny (Appian. Roman Wars)*. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ., 413—428 (in Russian).
- Mark Yunian Yustin. 2005. *Epitoma sochineniya Pompeya Troga "Historiae Philippicae" (Epitome of the Work of Pompeius Trogus "Historiae Philippicae")*. Saint Petersburg: "SPbGU" (in Russian).
- Molev, E.A. 1976. *Mitridat Evpator. Sozdaniye Chernomorskoy derzhavy (Mithridates Eupator. The Creation of the Black Sea State)*. Saratov: "Saratovskiy universitet" (in Russian).
- Molev, E.A. 1995. *Vlastitel' Ponta (Lord of Pontus)*. Nizhniy Novgorod: "NNGU" (in Russian).
- Molev, E.A. 2005. In *Antiquitas Aeterna* 1, 206—210 (in Russian).
- Molev, E.A. 2018. In *Istoricheskiy vestnik. Ellinizm: lichnost', vlast', obshchestvo (Historical Bulletin. Hellenism: Personality, Power, Society)* 26, 42—65 (in Russian).
- Mommzen, T. 1997. *Istoriya Rima (History of Rome)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ.; "Yuventa" Publ. (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1996. *Pontiyskoye tsarstvo (The Pontic Kingdom)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sokolov, V.S. (transl., com.). 1950. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 293—304 (in Russian).
- Frolov, E.D. 1974. In: Borukhovich, V.G. (ed.). *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)*. Iss. 2. Saratov: "Saratovskiy universitet", 114—139 (in Russian).
- Khan, I. 1968. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 72—86 (in Russian).

- Shelov, D.B. 1986. In: Koshelenko, G.A. (ed.). *Problemy antichnoy kul'tury (The Problems of Ancient Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113—117 (in Russian).
- Adler, E. 2006. Who's anti-Roman and Sallust and Pompeius Trogus on Mithridates. *The Classical Journal*. Vol. 101. Nr. 4, 383—407.
- Antonelli, G. 1992. *Mitridate. Il nemico mortale di Roma*. Roma: "Newton Compton" Publ.
- Badian, E. 1958. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford: "Clarendon Press".
- Ballesteros-Pastor, L. 1999. Marius' Words to Mithridates Eupator. *Historia*. Bd. XLVIII. Ht. 4, 506—508.
- Bengtson, H. 1975. *Herrschergestalten des Hellenismus*. München: "Beck" Publ.
- Braund, D. 2005. Greek Geography and Roman Empire: The Transformation of Tradition in Strabo's Euxine. In: Dueck, D., Lindsay, H., Potheary, S. (eds.). *Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia*. Cambridge: "Cambridge University Press", 216—234.
- Clarke, K.J. 1997. In Search of the Author of Strabo's *Geography*. *JRS* 87, 92—110.
- Duggan, A. 1974. *He Died Old Mithradates Eupator, King of Pontus*. London: "Faber" Publ.
- Errington, R.M. 1972. *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. London: "Hamish Hamilton" Publ.
- Gabrielsen, V. 2005. Mithridates VI og de græske byer. In: Højte, J. (ed.). *Mithridates VI af Pontos. Roms perfekte fjende*. Århus: "Aarhus University Press", 25—42 (Sortehavsstudier 3).
- Glew, D.G. 1977. Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the First Mithridatic War. *Athenaeum* 55, 380—405.
- Glew, D.G. 1981. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome. 85—73 B.C. *Chiron* XI, 108—130.
- Hind, J.G.F. 2008. Mithridates. *CAH* IX, 129—164.
- Kuin, I.N.I. 2017. Rewriting family history: Strabo and the Mithridatic Wars. *Phoenix*. Vol. 71(1/2), 102—118.
- Laqueur, R. 1926. Lokalchronik. *PWRE*. Bd. XIII. Hb. 25. col. 1098—1114.
- Luce, T.J. 1970. Marius and the Mithridatic Command. *Historia*. Bd. XIX. Ht. 1, 161—194.
- Madsen, J.M. 2009. The Ambitions of Mithridates VI: Hellenistic Kingship and Modern Interpretations. *BSS* 9, 191—202.
- McGing, B.C. 1986. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: "Brill" Publ. (Mnemosyne. Suppl. LXXXIX).
- McGing, B.C. 1993. Appian's "Mithridateios". *ANRW*. T. 2. Bd. 34. Ht. 1, 496—522.
- McGing, B.C. 2009. Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor? *BSS* 9, 203—216.
- Reinach, Th. 1895. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig: "B.G. Teubner" Publ.
- Richter, H.-D. 1987. *Untersuchungen zur hellenistischen Historiographie: Die Vorlagen des Pompeius Trogus für die Darstellung der nachalexandrischen hellenistischen Geschichte (Iust. 13—40)*. Frankfurt am Main; Berne; New York; Paris: Peter Lang (Europäische Hochschulschriften. Series III; Geschichte und ihre Hilfswissenschaften 333).
- Rostovtzeff, M.I., Ormerod, H.A. 1932. Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War. *CAH* IX, 211—260.
- Sherwin-White, A.N. *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. London: "Duckworth" Publ.
- Strobel, K. 1996a. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten grossen Monarchen der hellenistischen Welt. *Orbis terrarium* 2, 145—190.
- Strobel, K. 1996b. Mithridates VI Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht. *Ktema* 21, 55—94.
- Walbank, F.W. 1981. *The Hellenistic World (Fontana History of the Ancient World)*. London: "Fontana" Publ. (Fontana history of the ancient world).
- Welles, C.B. 1934. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy*. New Haven: "Yale University Press".